

Swietłana Waulina

Об особенностях реализации модального значения восможности в романе Г. Сенкевича "Крестоносцы" : (к вопросу межъязыковой лексической эквивалентности)

Acta Polono-Ruthenica 9, 201-208

2004

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Swietłana Waulina
Kaliningrad

Об особенностях реализации модального значения возможности в романе Г. Сенкевича *Крестоносцы* (к вопросу о межъязыковой лексической эквивалентности)

Среди наиболее актуальных направлений современного языкознания традиционно находится сопоставительное изучение языков. Это обусловлено, с одной стороны, стремлением создать общую теорию языков на базе разноуровневых лингвистических универсалий, с другой – тем фактом, что структурная специфика языка определяется наличием в нем наряду с языковыми универсалиями „неуниверсальных явлений, свойственных данному языку”¹. Важно указать и на практическую значимость сопоставительных исследований, которая определяется задачами языковой коммуникации, получающей все большее распространение в современном мире, а также задачами изучения и преподавания языков, задачами перевода.

Проблема различий и сходств между языками связана с вопросом о межъязыковой эквивалентности. Понятием эквивалентности в сопоставительной лингвистике обозначается, как правило, „совпадение единиц в их значениях, закрепленных в системах сопоставляемых языков”². Однако опыт сопоставительных исследований показывает, что тождественность языковых значений обычно не означает полной идентичности, а, напротив, в большинстве случаев наличествует частичная идентичность в значениях сопоставляемых языковых явлений. Безусловно, эта частичная идентичность не вытекает из различий в отражаемой действительности, а основывается на различных возможностях языкового выражения идентичных предметов и ситуаций окружающего мира в сопоставляемых языках.

¹ Э. Я. Рудник, *Микрополя лексем sollen и должен в аспекте всеобщего и отдельного*, Воронеж 1979, с. 50.

² В. Гладков, *Теоретические вопросы межъязыковой эквивалентности*, [в:] *Сопоставительное изучение немецкого и русского языков: грамматико-лексические аспекты*, Изд-во МГУ, Москва 1994, с. 5.

Иначе говоря, понятие эквивалентности в сопоставительной лингвистике не ограничивается референтным отношением к объектам действительности, а учитывает и те языковые средства, которые служат для внутриязыкового разграничения содержания номинативных единиц. Каждый язык обозначает предметы и ситуации действительности по-своему и выбирает при номинации объектов различные аспекты. Отражая тождественные предметы и ситуации действительности, каждый язык характеризуется „автономностью относительно их конкретного языкового кодирования”³. Поэтому основой для изучения межъязыковых эквивалентных отношений должен быть детальный анализ семантической структуры значения сопоставляемых единиц.

Если исходить из того, что значения языковых явлений представляются как упорядоченные множества семантических компонентов, то межъязыковую эквивалентность можно определить как „тождественность тех центральных семантических компонентов, которые выражают в сопоставляемых языках идентичный смысл”⁴.

Объектом рассмотрения в сопоставительной лингвистике являются различные уровни и элементы языка, в первую очередь лексика, обращение к которой открывает, в силу ее специфических особенностей: незамкнутости, подвижности, богатого семантического развития, – перспективы выхода на культурологические, в том числе этнокультурные аспекты. Не менее важную роль играют также исследования универсальных понятийных категорий, „в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем”⁵. К числу таких категорий относится модальность, которая, выражая комплекс сложных смысловых отношений высказывания с внеязыковой действительностью, раскрывая соотношение обозначающего и обозначаемого, является необходимым конструктивным признаком предложения и „...в языках европейской системы охватывает всю ткань речи”⁶.

Рассмотрение вышеназванных и других проблем осуществляется, как правило, на материале двух родственных языков⁷. При этом одним из основных методов их исследования является анализ результатов переводческого процесса

³ Ibidem.

⁴ Ibidem, с. 6.

⁵ В. В. Виноградов, *О категории модальности и модальных словах в русском языке*, [в:] *Труды Ин-та русского языка АН СССР*, т. 2, 1950, с. 38.

⁶ Ibidem, с. 39.

⁷ В плане рассматриваемого нами вопроса интерес представляет монографическое исследование D. Rytel, *Leksykalne środki wyrażania modalności w języku czeskim i polskim*, Wrocław–Kraków–Gdańsk–Łódź 1982.

путем сопоставительного изучения текста перевода, то есть сравнения его с текстом оригинала.

Данный метод взят за основу и в данной статье, посвященной рассмотрению некоторых особенностей эквивалентных отношений в плане выражения одного из составных компонентов функционально-семантического поля ситуативной модальности – микрополя возможности – на материале оригинального текста романа классика польской литературы Г. Сенкевича *Крестоносцы*⁸ и его русского перевода⁹.

План содержания микрополя возможности в рамках общей функционально-семантической категории модальности и ее отдельных ситуативных фрагментов (необходимость, желательность) формируется комплексом частных значений, возникающих в результате определенных отношений между субъектом действия и действием. Детерминирующими факторами таких отношений являются предпосылки, выступающие в виде условий, которые имеют двоякий характер: с одной стороны, они могут быть внешними, не зависящими от субъекта, находящимися вне сферы его „влияния”, а с другой, напротив, внутренними, непосредственно связанными с определенными качествами самого субъекта. Исходя из этого принято разграничивать две разновидности возможности: внешнюю и внутреннюю, в иной терминологии, объективную и субъективную, каждая из которых, в свою очередь, имеет ряд частных значений. Применительно к внешней возможности выделяется два частных значения: „(не) иметь возможность выполнить действие” (в связи с наличием или отсутствием каких-либо внешних по отношению к субъекту обстоятельств) и „(не) иметь право, основание для выполнения действия” (в связи с наличием или отсутствием соответствующих законов юридического или морально-нравственного характера). Внутренняя возможность реализуется в частных значениях „(не быть) в состоянии выполнить действие” (в силу физического или психического состояния субъекта) и „(не) иметь способность выполнить действие” (в силу наличия или отсутствия у субъектов соответствующих навыков, умений, знаний и т. п.).

План выражения вышеназванных значений включает разноуровневые языковые средства, среди которых основное место занимают лексические модификаторы (глаголы и предикативы), выступающие в сочетании с зависимым субъектным инфинитивом. В оригинальном тексте романа

⁸ H. Sienkiewicz, *Krzyżacy*, t. 1-2, Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa 1983.

⁹ Г. Сенкевич, *Крестоносцы*, пер. с польского Е. Егоровой, Кишинев 1980.

Крестоносцы микрополе возможности представлено собственно модальными глаголами *móc, śmieć, ośmielić się, umieć, zdołać, potrafić*, предикативами *można, nie można, wolno, nie wolno, możliwe, niemożliwe*, глагольно-именными сочетаниями *mieć prawo, być w możności, mieć możność*; в русском тексте – собственно модальными глаголами *мочь, сметь (посметь), осмелиться, дерзнуть, уметь*, предикативами *можно, нельзя, невозможно*, глагольно-именными сочетаниями *иметь право, иметь возможность, иметь способность, быть в состоянии, быть в силах*.

Центр рассматриваемых микрополей образуют глаголы *móc* – *мочь*, отличающиеся близкой модальной семантикой, высокой частотностью употребления и стилистической нейтральностью, способностью выражать все частные значения возможности:

а) (не) иметь возможность выполнить действие. Ср.: „Mam listy Lichtensteina i do Szczytna *mogę* bezpiecznie *jechać*”. – „У меня есть письмо Лихтенштейна, и я безо всякой опаски *могу ехать* до Щитно”; „Jedno tak mniemam, że siła *możemy się* od niego i o Zbyszku... *dowiedzieć*” – „Думаю только, что от него мы *могли бы* много *узнать* и про Збышка...”;

б) (не) иметь права, основания) выполнить действие: „Dla Boga, *nie możemy* go przecież bez pomocy *ostawić*”. – „Боже мой, *не можем же оставить* его без помощи”; „...którym Tolima *wzbronić* tego *nie może*, bo są ślachtą z Lękawicy”. – „Толима *не может позволить* им уехать, ибо они шляхтичи из Ленкавицы”;

в) (не) быть в состоянии выполнить действие: „Żaden wzrok *nie może objąć* wszystkich zastępów”. – „Ни один взор *не мог охватить* разом все эти рати”; „*Nie mogli* go razić przez pleczy, gdyż z początku *nie mogli* go dognać”. – „Они *не могли поразить* его в спину, потому что никто не мог догнать его”; „Pan wopczas i *jeść nie mógł* o swej mocy”. – „Он тогда и *есть-то* сам *не мог*, совсем ослаб”.

Вместе с тем следует отметить, что большая часть реализаций данных глаголов относится к значениям внутренней возможности. Ср.: „Ale kat, który, jako mówiłem, wszystko uczyni, jednak *przenieść nie może*, kiedy dziewczęcu wyrządzają krzywdę”. – „Но палач, который, как я уже говорил, на все способен, только *не может вынести*, когда девушке чинят обиду”; „Powiadali o nim Mazurowie, że on jeden między nimi *mógłby się być* z samym Zawiszą *potykać*”. – „Мазуры говорили, что только он *мог бы померяться* силами с Завишей”; „...lecz *nie mogli się porozumieć*, gdyż w tej chwili wszedł stary Tolima”. – „Но они так и *не могли понять* друг друга, потому что в эту минуту в комнату вошел старый Толима”.

Столь широкая употребительность глаголов *móc* и *mочь* в указанной модальной функции связана с их принадлежностью к древнейшим пластам лексики, восходящим к индоевропейскому языку-основе и имевшим устойчивую семантику. Как свидетельствуют этимологические словари, данные глаголы восходят к праслав. **mogti* ‘мочь’ и имеют родственные соответствия в индоевропейских языках. Ср. например, гот. *mag* – ‘я могу, в состоянии’, *mahts* – ‘мощь, сила’ (Сл. Фасмера, Сл. Преображенского, Сл. Брюкнера)¹⁰.

В плане вышесказанного интерес представляют случаи, когда при реализации значений внутренней возможности в качестве эквивалента польского глагола *móc* в русском тексте романа выступает глагольно-именное сочетание *быть не в силах*, что придает соответствующему модальному значению большую степень конкретизации. Ср.: „Jagienka widząc, że nie może utrzymać kubka, sama podawała mu napój”. – „Ягенка, видя, что он не в силах держать кубок, сама подавала ему вино”.

Центральное место в польском микрополе возможности занимает, в силу высокой частотности употребления, также этимологически соотнесенный с глаголом *móc* предикатив *można*, реализующий главным образом частные значения внешней возможности, и, в первую очередь значение „иметь возможность выполнить действие”. В русском тексте романа в качестве его эквивалента в большинстве случаев выступает предикатив *можно*. Ср.: „Widać było, że są, bo to z samego smrodu można było wumiarkować”. – „Да по одному духу можно было узнать, что они там сидят”; „Można by się było skarżyć albo okup zapłacić”. – „Можно было бы баловаться либо выкуп заплатить”.

Для выражения отрицательного значения возможности в польском тексте романа регулярно используются предикативы *nie można*, *nie wolno*, функционирование которого зафиксировано преимущественно в контекстах, отражающих факты юридического или морально-нравственного порядка. В тексте русского перевода им соответствует предикатив *нельзя*¹¹. Ср.: „Rzeki tak wezbrały, iż całkiem nie można było dalej jechać”. – „Вода в реках так поднялась, что ехать дальше было нельзя”; „Jak gdzie nie można pięścią, to trzeba rozumem wziąć”. – „Где нельзя кулаком, надо хитростью взять”; „Już nam ni ryby łowić, ni zwierza bić w puszczach nie wolno!”. – „Уже нельзя нам

¹⁰ Полные названия и выходные данные словарей см. в списке сокращений.

¹¹ Предикатив *неможно* (в древнерусской огласовке *немочно*, *немошно*) весьма широко употреблялся в памятниках древнерусской письменности. Однако уже к середине XVII в. он вытесняется предикативом *нельзя*, образовавшим бинарную оппозицию с утвердительной формой предикатива *можно*. О.А. Черепанова объясняет данный факт процессом омонимического отталкивания. См.: О.А. Черепанова, *Лексико-грамматические средства выражения модальности в русском языке XI–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Ленинград, с. 14.

ни рыбу ловить, ни зверя бить в пущах!"; „*Wolno* było [...] nie zważać na żadne przeszkody, ale *nie wolno* było złamać obyczaju rycerskiego". – „Можно было [...] не обращать внимания ни на какие препятствия, но *нельзя* было нарушить рыцарского обычая"; „*Nie wolno* tej rękawicy podnosić, albo wiem i ją poświadczam, jako prawdę powiedział rycerz". – „*Нельзя* поднимать эту перчатку, ибо я свидетельствую, что этот рыцарь сказал правду”.

На периферии микрополей возможности в оригинальном тексте романа и тексте русского перевода находятся модальные глаголы с конкретной модальной семантикой, в число которых входят соответственно польские глаголы *śmieć*, *ośmielić się*, *umieć*, *zdołać*, *potrafić* и русские *смечь* (*посмечь*), *осмелиться*, *дерзнуть*, *уметь* (*суметь*).

Глаголы *śmieć*, *ośmielić się* (*ośmielić się*) в соответствии со своей семантикой выражают частное значение „(не) быть в состоянии выполнить действие” в связи с наличием или (значительно чаще) отсутствием соответствующих психологических качеств (смелости). В русском языке и в русском переводе романа *Крестоносцы* аналогичную модальную функцию выполняют эквивалентные им глаголы *смечь* (*посмечь*), *осмелиться*. Ср.: „Kto by tedy, wbrew temu, co mówił sam Jurand, *śmiał* zakon *posądzać* [...] niechaj podniesie ten rycerski zakład”. – „Если кто, вопреки словам самого Юранда, *посмеет обвинить нас* [...] пусть поднимет эту рыцарскую перчатку”; „Jak wilk trzyma psa, który *ośmielił się stawić* mu...”. – „Как волк держит пса, который *осмелился напасть* на него...”; „Już *nie ośmielił się* wielkiego mistrza *nie posłuchać*”. – „Уж *не посмеют* они *ослушаться* великого магистра”.

Интерес представляют единичные случаи употребления в русском тексте романа в качестве эквивалента польского глагола *ośmielić się* русского глагола *дерзнуть*. Обладая общей с указанным польским глаголом модальной семантикой (ср. его словарное значение ‘осмелиться, отважиться’, МАС), он вместе с тем характеризуется повышенной экспрессией, связанной с особенностями его этимологии: восходит к прасл. **dьrznąti*, образованному от **dьrзь* ‘смелый’. Вероятно, родственно лат. *fortis*, др.-лат. *fortis* ‘храбрый’, греч. *drasus* ‘смелый’ (Сл. Фасмера). Сохранение в лексическом значении глагола *дерзнуть* экспрессивно насыщенной семы *храбрый* в значительной мере способствует его стилистической выразительности, обуславливая отчетливо выраженную ориентацию данного глагола на контексты высокой стилистической направленности. Ср.: „...by jednak *ośmielili się* zahaczyć samego księcia i rogwąć jego wychowanek”. – „Казалось совершенно невероятным, чтобы они *дерзнули* посягнуть на князя и похитить его воспитанницу”.

Остальные глаголы рассматриваемой периферийной группы выражают частное значение внутренней возможности „(не) иметь способность выполнить действие”. Среди них прежде всего следует выделить эквивалентную пару польского глагола *umieć* и русского *уметь*, имеющих общее происхождение и восходящих к прасл. **uměti*, связанному с *ум*, родственного лит. *aumiô* – ‘разум’, *ote* – ‘повадка’ (Сл. Фасмера, Сл. Брюкнера). Ср.: „Zbyszko *nie umiał* uchylać się od ciosów połobrotem”. – „Збышко *не умел* уклоняться от ударов, делая пол-оборота в сторону”; „Ale oni *nie umieją* zamków zdobywać”. – „Но они *не умеют* замков брать”.

Вместе с тем в русском тексте романа встречаются случаи передачи рассматриваемого частного значения возможности с помощью глагола *мочь* (ср.: „...odjawszy zbójom jakąś dziewczkę, która *nie umiała* powiedzieć, kto jest...”. – „...отбили у разбойников какую-то девку, которая *не могла* сказать нам, кто она такая”) или имплицитно, посредством грамматического контекста, в роли которого выступают формы глаголов изъявительного наклонения с соответствующей семантикой. Ср.: „I znów nikt *nie umiał* znaleźć odpowiedzi”. – „И снова никто *не нашелся*, что ответить” (= не сумел / не смог найти ответа). Данный факт может служить свидетельством более широкой употребительности польского глагола *umieć* по сравнению с его русским эквивалентом *уметь*.

Глагол *potrafić* (‘суметь, смочь, оказаться в состоянии что-л. сделать’ – БПРС), имеющий немецкое происхождение (Сл. Брюкнера), и праславянский по происхождению глагол *zdołać* (‘суметь, смочь, оказаться способным, в состоянии что-л. сделать’ – БПРС) не имеют прямых соответствий в русском языке, и в русском тексте романа *Крестоносцы* в качестве эквивалента к ним чаще всего употребляется глагол *суметь*. Ср.: „Ale z nieprzyjaciół stróżów własnego dobra uczynić to nie byle są *potrafi*”. – „Но сделать их хранителями своего же добра – это тебе не всякий *сумеет*”; „Wywa tak, że gdy komu ziemskie oczy zagasną, ten właśnie widzi, czego inni dojrzeć *nie potrafią*”. – „Бывает, что земные очи погасли, а человек видит то, чего другие увидеть *не сумеют*”; „Nie wiem, czyli kto w świecie mierzyć się *zdoła*”. – „Не знаю, *сумеет* ли кто в мире померяться силами с ним”; „...nie napytam ja szczęścia ni tobie, ni komu, bo czego nie mam, tego i dać *nie zdołę*”. – „...не принесу я счастья ни тебе, ни другому, ибо чего нет у меня, того я и дать *не сумею*”.

Итак, сравнительный анализ лексических экспликаторов одного из значений ситуативной модальности – значения возможности – с точки зрения их межъязыковой эквивалентности, предпринятый на материале романа классика польской национальной литературы Г. Сенкевича *Крестоносцы*

и его русского перевода, позволил установить типологические черты в структурах соответствующих модальных микрополей, обусловленные универсальным характером функционально-семантической категории модальности и близким генетическим родством русского и польского языков, а также обнаружить специфические, внутриязыковые черты в составе и особенностях функционирования лексических конститuentов указанных модальных микрополей, связанные с особенностями внутриязыкового и (шире!) культурного развития.

Список условных сокращений

- БПРС – *Большой польско-русский словарь*, в 2 т., Москва – Варшава 1980.
 МАС – *Словарь русского языка*, в 4 т., Москва 1981–1984.
 Сл. Брюкнера – А. Brückner, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa 1970.
 Сл. Фасмера – М.Р. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, в 4 т., Москва 1964–1973.
 SWP – *Słownik języka polskiego*, Warszawa 1996.

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest szczegółowym aspektom badań dotyczących międzyjęzykowych odpowiedników leksykalnych, reprezentujących modalne znaczenie możliwości w tekście powieści H. Sienkiewicza *Krzyżacy* i jej tłumaczeniu na język rosyjski. Autorka określa modyfikatory możliwości, ich hierarchię strukturalną (środki językowe centralne i peryferyjne) w granicach odpowiednich mikropól modalnych w języku polskim i rosyjskim, przeprowadza analizę roli funkcjonalno-semantycznej eksplikatorów modalnych ze względu na ich nacechowanie stylistyczne oraz stopień adekwatności realizowanych przez nie poszczególnych znaczeń możliwości.

Summary

*On the peculiarities of the realization of the modal meaning of ability in „Teutonic Knights”
 by H. Sienkiewicz (on interlinguistic lexical equivalence)*

The article is devoted to detailed aspects concerning interlinguistic lexical equivalents representing the modal meaning of ability in the language of H. Sienkiewicz's novel entitled *Teutonic Knights* and its translation into Russian. Determined are the modifiers of ability, their structural hierarchy (central and peripheral linguistic means) within the boundaries of the appropriate modal microfields in Polish and Russian. Conducted is the analysis of the functional-semantic role of the modal explicators due to their stylistic markedness and the level of adequacy realized by them, concerning particular meanings of ability in the original text and its translation into Russian.